

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ. Ад	7
ПРОЛОГ. Немецкая шпионка и дочь Муссолини	11
ГЛАВА 1. Большой фашистский совет	33
ГЛАВА 2. Трамонтана	47
ГЛАВА 3. Полет в изгнание	61
ГЛАВА 4. Галло	73
ГЛАВА 5. Арест	87
ГЛАВА 6. Последняя карта	109
ГЛАВА 7. Операция «Граф»	125
ГЛАВА 8. Шантажируя Гитлера	141
ГЛАВА 9. Веронский процесс	159
ГЛАВА 10. Эмилио	175
ГЛАВА 11. Убежище в Швейцарии	185
ГЛАВА 12. Отец Панчино	201
ГЛАВА 13. «Германия»	217
ГЛАВА 14. Жена банкира	231

ГЛАВА 15. <i>«Дом шпионов»</i>	243
ГЛАВА 16. <i>Моя новая подруга</i>	251
ГЛАВА 17. <i>Обед на вокзале Монте</i>	269
ГЛАВА 18. <i>Дневники Чиано</i>	283
ГЛАВА 19. <i>Розовый сад</i>	301
Эпилог. <i>Как сквозь землю</i>	317
Благодарности	319
Библиография	321

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ад

В середине нашей жизненной дороги
попал я в мрачный, незнакомый лес,
где путь прямой терялся в темном логе.

Как рассказать, чтоб он в словах воскрес?
Тот лес был диким, мощным и суровым.
Страх в памяти доселе не исчез.

Немногим горше к смерти быть готовым,
Но расскажу, как там добро нашел
Среди всего, что мне предстало новым.

ДАНТЕ, «Божественная комедия»,
«Ад», Песня первая. Пер. В.Г. Маранцмана

Это книга о моральном лабиринте, о нескольких людях —
и нескольких странах, — заблудившихся во тьме.

Я написала много книг о женщинах, о Соппротивлении
и войне. Некоторые из них — истории о вдохновляющих
личностях, например о таких, как польская героиня Ирена
Сендлер, которая спасала еврейских детей из Варшавского
гетто во времена Второй мировой войны, или американка
Бланш Рубинштейн-Аузелло, помогавшая французским

партизанам, одним словом, о людях, которые с ослепительной ясностью видели прямой путь и просто следовали ему. Эта книга совсем о другом, и ее герои также отличаются от тех, о которых я писала раньше (исключение — жена банкира, светская львица в неудачном браке, которая в середине жизни обрела нечто настолько важное, что все последующее уже не имело для нее значения).

Это история об отваге и о том, как люди, которые порой, пройдя свой жизненный путь до половины, понимали, что свернули не туда, находили в себе смелость измениться и бороться с тьмой. Например, немецкая шпионка, дочь Муссолини, фашистский дипломат. В центре этой истории — зять Муссолини: плейбой и министр иностранных дел Италии, который нашел в себе силы отречься от фашизма и посмотреть в глаза своим палачам. Это также история о его откровенных записях, о мужчинах и особенно о женщинах, которые рисковали собственными жизнями и своими семьями, чтобы сохранить правду и свидетельства преступлений, описанных в «Дневниках Чиано».

Документ, известный историкам как «Дневники Чиано», написанный в то время, когда Чиано («Чано» — так звучит его фамилия по-итальянски) был вторым человеком в Италии после Бенито Муссолини и входил в ближний круг Адольфа Гитлера, представляет собой «самый важный из существующих политических документов, касающихся иностранных дел Италии последних лет». Дневники рассказывают о столь безумном и запутанном пути, что ужасается даже их автор. Галеаццо Чиано, при всех своих грехах, в середине войны осознал ее безумие и нашел в себе мужество поступить правильно. Так же сделали

и женщины, которые спасли часть его записей от уничтожения нацистами. Дневники, которые сохранили героини истории, после Второй мировой войны послужили доказательствами на Нюрнбергском процессе. Они остаются одним из самых важных исторических свидетельств преступлений Третьего рейха и планов его вождей.

Герои этой книги в большинстве случаев не поддаются четкому разделению на хороших и плохих. Когда пишешь о событиях 1939–1945 гг., велик соблазн рассказывать о борьбе добра и зла, белого и черного, света и тьмы. Проблема в том, что история, в том числе история человеческой души, по большей части скрыта в тени и состоит из полутонов. Приходится очень тщательно подбирать слова. Как рассказать о мужестве нацистской шпионки или дочери диктатора, не превратив их в положительных героинь и не оскорбив память 6 млн человек, которых Третий рейх целенаправленно уничтожил, или 40 млн мирных жителей, погибших во время войны? Что значит в книге о фашизме и нацизме говорить не только об ужасах, но и о хорошем, подобно Данте, спустившемуся в ад и даже там сумевшему найти добро, а также писать о людях, совершавших преступления и виновных в тяжких грехах, но в какой-то момент выбравших другой путь?

Я не призываю простить этих людей — сделать это могут только их жертвы. Однако эта книга заставляет читателя задуматься о честной и глубокой человеческой драме — о том, что люди, а как утверждал Галеаццо Чиано, и целые народы способны признавать свои ошибки, раскаиваться в них и пытаться загладить вину. История о спасении дневников Чиано похожа на захватывающий шпионский триллер, где мужчины и женщины стремятся сберечь

ПРЕДИСЛОВИЕ

пачку страниц — свидетельства страшных преступлений, которые не должны остаться нераскрытыми. Также это история о том, как герои пытаются спасти прежде всего самих себя.

Июнь 2021 г.

ПРОЛОГ

Немецкая шпионка и дочь Муссолини

29 августа 1939 г. — 5 февраля 1943 г.

Где же Чиано? Ужин подошел к концу. Гости с бокалами в руках томились в ожидании Галеаццо Чиано. В последнюю ночь августа 1939-го воздух был горячим и неподвижным, даже несмотря на позднее время. Как всегда в Риме в конце лета.

Но город за стенами виллы уже мало напоминал прежний Рим. Кофе с весны продавался только по карточкам. Рабочие в перерыв пили *caffè corretto* — горький эрзац-кофе из цикория, «подлеченный» граппой. Раздраженные домохозяйки, выстояв длинные очереди только для того, чтобы услышать, что мяса и масла нет, бормотали слова, граничившие с государственной изменой. Пользоваться личными автомобилями запретили, и скрип велосипеда, проезжающего ночью по пустой улице, заставлял любопытных соседей выглядывать из-за штор. Что-то тревожное витало в воздухе. Собравшиеся в эту ночь в салоне

бизнесмены знали, что их секретарши прячут в ящиках своих столов противогазы рядом с пудреницами и губной помадой. Люди перешептывались, что настоящие перебои с продуктами еще впереди.

В Риме все, кроме немногих самых удачливых, чувствовали холодок наступающей беды и экономили как могли. У богатых и знатных людей, вхожих в коридоры власти, необходимости экономить не было, но настроение в их роскошных особняках оставалось столь же мрачным. Гости были угрюмыми и нервными и думали только об одном: что же скажет Чиано.

Все в Италии знали, кто такой Чиано.

Граф Джан Галеаццо Чиано — брюнет с напомаженными волосами, элегантный, тщеславный и в конечном счете недалекий человек — был вторым по важности лицом в фашистской Италии: зятем дуче и его наиболее вероятным преемником. Сегодня же, когда страна все ближе подходила к краю пропасти, за которым ждала война, Галеаццо Чиано все еще оставался человеком, отвечавшим за пошатнувшиеся международные отношения: министром иностранных дел.

Вся Италия, затаив дыхание, думала об одном и том же: начнется ли утроем война? Чиано должен знать.

* * *

Только Бенито Муссолини обладал большей властью, чем Чиано, и войны он не хотел, хотя из его речей это не следовало. Муссолини поддержал гитлеровский Третий рейх, и сейчас, если Франция и Великобритания, заключившие союзные договоры с Польшей, не дрогнут, Италия рискует

оказаться втянутой в развязанный Германией конфликт. Муссолини знал, что этого конфликта итальянцы не хотят и что армия к нему не готова. Тем не менее Муссолини был настроен оптимистически. Франция и Великобритания будут сотрясать воздух, охать и ахать. В конечном итоге они не сделают *ничего*. Они бездействовали, когда Гитлер присоединил Австрию, а потом оккупировал Чехословакию. Не станут они сражаться и за Польшу.

* * *

Галеаццо Чиано не был в этом так уверен. На самом деле и война, и Третий рейх вызывали у Галеаццо серьезные сомнения.

Чиано вел дневник. На его страницах он, не выбирая выражений, откровенно отзывался о тесте и о немцах. Особую неприязнь Галеаццо испытывал к своему германскому коллеге, министру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу — тощему, неприятному человеку с пугающе бесцветными глазами, чьи жажда власти и подхалимство вызывали презрение почти у всех, кто с ним встречался. Американский дипломат Самнер Уэллес не слишком дипломатично отозвался о Риббентропе: «Напыщенность и нелепость его манер невозможно преувеличить». Один из германских министров заметил, что «с Риббентропом невозможно разговаривать, он слушает только себя»; другой назвал его «пустым орехом». Это был человек, который замыслил месть только потому, что какому-то лейтенантику не повезло быть упомянутым в приказе строчкой выше него.

Многие в окружении Гитлера уже с нетерпением ждали, когда Риббентроп оступится и его падение будет встречено с ликованием. В своем дневнике Галеаццо охарактеризовал Риббентропа двумя словами: «мерзкий прохвост».

Риббентроп в свою очередь ненавидел Галеаццо Чиано. Ему претили небрежный аристократизм графа и его неприкрытая англомания. Он ненавидел Галеаццо за то, что тот не притворяется почтительным и нахально ставит под сомнение мудрость фюрера. Когда придет время мстить, — а мстить он любил, — о, Иоахим фон Риббентроп с наслаждением уничтожит итальянского министра иностранных дел.

Если Риббентроп, по мнению министра иностранных дел Италии, был дураком и подхалимом, то и в отношении Гитлера иллюзий у Чиано к лету 1939 г. уже не оставалось. Всего несколько недель назад он встретился с фюрером и вернулся, согласно опасно откровенной записи в дневнике, «совершенно разочарованным немцами, их вождем <...> они втягивают нас в авантюру, которой мы не хотим <...> Я не знаю, пожелать ли Италии победы или Германии поражения <...> Я, не задумываясь, всеми средствами, бывшими в моих силах, возбуждаю в [Муссолини] антигерманские настроения. <...> ...Они — предатели, и мы не должны чувствовать угрызения совести, отворачиваясь от них, но Муссолини еще чувствует эти угрызения совести»*.

* Здесь и далее цитаты из дневников приводятся по изданию: Чиано Г. Дневник фашиста. 1939–1943. — М.: Плацъ, 2010. — *Прим. пер. и ред.*

* * *

Муссолини колебался. То он твердил о войне и чести и был полон решимости доказать Гитлеру, что им движут те же имперские амбиции, что и немцами. Как-никак, итальянцы были наследниками Римской империи, и дуче мечтал возродить былое величие Рима. Но уже в следующее мгновение реальность напоминала о себе. Италия не была подготовлена к такой войне, и Муссолини протестовал против давления, оказанного на него нацистами. Весь тот день Галеаццо лихорадочно работал в кулуарах, чтобы предотвратить катастрофу и не дать разгореться конфликту в Европе. Согласие Британии на проведение мирной конференции с немцами удалось получить в последнюю минуту. Конференция ничего бы не решила, но дала бы какое-то пространство для маневра.

Когда Галеаццо наконец появился в дверях салона, все гости с нетерпением обернулись к нему. Чиано широко улыбнулся. Он был шоуменом, и сцена принадлежала ему. «Можете спать спокойно, — смеясь, заверил он собравшихся. — Не переживайте... Франция и Англия приняли предложения дуче». Британцы все-таки дрогнули. Иначе и быть не могло. «Умиротворение» снова стало словом часа. Сегодня ночью война не начнется. Успокоенные гости наполняли бокалы, перед тем как разбрестись по спальням.

Облегчение, которое в тот вечер Галеаццо почувствовал вместе со всеми присутствовавшими в салоне, было недолгим. К полуночи мирные перспективы снова оказались под угрозой. За Галеаццо прислали машину, и водитель в элегантной форме помчал его по узким римским

улицам в министерство на легендарной площади Пьяцца ди Колонна. Там министру вручили телефонограмму. Информация пришла по дипломатическим каналам: Гитлер не собирался участвовать ни в каких мирных конференциях. В берлинских типографиях уже печатались утренние газеты, объявлявшие о вторжении Германии в Польшу. На рассвете пришло сообщение, что войска рейха пересекли польско-германскую границу.

Галеаццо знал, что это значит. Муссолини не присоединится к союзникам. Его дружба с Гитлером не позволит Италии участвовать в военных действиях против Германии. Но, возможно, удастся убедить Муссолини остаться в стороне. В надвигающейся трагедии единственной надеждой было каким-то образом сохранить нейтралитет Италии.

* * *

Еще почти год — до июня 1940 г. — Галеаццо Чиано и его единомышленники в Риме смогут справляться с этой задачей. Гитлер прекрасно понимал, кого винить в пассивности Рима. Позднее он скажет о Галеаццо Чиано: «Не понимаю, как Муссолини может вступить в войну при таком министре иностранных дел, который не хочет воевать и который ведет дневник, в котором пишет гнусные и оскорбительные вещи о национал-социализме и его вождях». Эти дневники уже серьезно раздражали Гитлера.

В итоге Муссолини не удалось удержать. Он был слишком слабым и слишком гордым. Агрессивность сидела в характере Муссолини очень глубоко. В 10 лет Бенито исключили из школы за то, что он по-бандитски, в спину,

ударил ножом другого ученика. В 20 он пытался зарезать одну из своих подружек. В 36 создал «Итальянский союз борьбы», который быстро вырос в Национальную фашистскую партию. Партия пришла к власти благодаря простой стратегии — систематическим убийствам тысяч политических оппонентов, продолжавшимся, пока не осталось никого, кто мог бы составить оппозицию. К 40 годам Бенито Муссолини вырвал власть у короля Италии Виктора Эммануила, после того как продемонстрировал свою силу, организовав поход боевиков Национальной фашистской партии на Рим. Этот поход вдохновил Гитлера, который был моложе и восхищался Муссолини, на попытку «пивного путча»* в Германии. Еще через пару лет, в 1925 г., Муссолини отбросил всякие условности и стал править как фашистский диктатор, оседлав волну народной поддержки и опираясь на вульгарную и напыщенную риторику. Он играл на струнах национализма и ностальгии, воодушевлявших его сторонников и ужасавших его критиков.

Власть Муссолини была основана на мачизме. В мире, который создал диктатор, «настоящие мужчины» не уходили от драки, а «настоящие итальянцы», те, кто завоевал мир и являлся наследником Римской империи, не уступали никому. Это породило политическую дилемму, которую он не мог не понимать: «Итальянцы, слушая в течение 18 лет мою воинственную пропаганду, не могут понять, как я превратился в глашатая мира сейчас, когда Европа объята пламенем. Нет никакого иного объяснения, помимо военной

* Пивной путч — попытка Гитлера и его соратников устроить государственный переворот 8 и 9 ноября 1923 г. в Мюнхене. — *Прим. ред.*

неподготовленности страны. Но даже и за это ответственность возлагают на меня». Муссолини не хотел войны. Но потерять лицо он тоже не хотел.

* * *

Галеаццо Чиано всеми доступными ему способами боролся за то, чтобы удержать Италию от вступления в войну на стороне Германии. В ретроспективе, глядя на события из XXI в., его поведение можно, пожалуй, назвать доблестью. Но при всем том считать Галеаццо Чиано героем можно только с большой натяжкой. Он ответственен за другие войны, со странами, гораздо более слабыми, чем Франция или Британия; его, как и его тестя, многие (вероятно, справедливо) считали причастным к внесудебным расправам над политическими противниками; он богател на своей должности, в то время как большинство итальянцев голодали; его политическая деятельность, даже когда была антигерманской или антинацистской, все же не была антифашистской. Чиано был, по мнению большинства современников, легкомысленным, бесцеремонным, любителем посплетничать и неисправимым бабником. В 1938 г. Джозеф Кеннеди, в то время посол Соединенных Штатов в Риме, написал о нем: «Я не встречал второго такого напыщенного и самовлюбленного болвана. Большую часть времени он болтал о женщинах и ни с кем не говорил на серьезные темы, боясь упустить из виду двух или трех девиц, за которыми волочился. Я ушел с убеждением, что мы бы добились большего, прислав к нему десяток хороших девушек, а не группу дипломатов». Не только американцы

пришли к такому выводу. Слабость Галеаццо Чиано к красивым женщинам привлекла внимание и немцев.

* * *

Рассказывая эту историю, назвать героиней жену Галеаццо Чиано, Эдду, можно только с еще большей натяжкой. Хотя, безусловно, это книга о ней и о поразительном мужестве, уме и решимости, которые Эдда Чиано демонстрирует в грядущих событиях.

Эдда тоже была известна каждому итальянцу, по крайней мере, все 18 лет правления Муссолини — сначала как любимый первенец дуче, маленькая проказница, затем как дерзкая представительница золотой молодежи, а после звездного брака с Чиано в 1930 г. — как гламурная графиня Чиано. К 28 годам — 29 лет Эдде исполнилось как раз 1 сентября 1939 г. — ее репутация была далека от безупречной, и дипломаты разных стран следили за ней так же пристально, как за ее мужем.

Посол Великобритании в Риме сэр Перси Лорейн весной 1939 г. докладывал премьер-министру Невиллу Чемберлену, что Эдда «превратилась в нимфоманку и в алкогольном угаре весьма неразборчива в связях». Она пила слишком много джина, играла в покер по излишне высоким ставкам и часто проигрывала. Галеаццо говорил в нос высоким, почти женским голосом и мог бесконечно рассказывать о своей любви к старинному фарфору — едва ли это соответствовало представлению Муссолини о мачизме. Эдда любила эпатировать публику: носила мужские брюки, курила, ярко красилась и водила спортивную машину,

в которой ее мужу доставалось пассажирское место. Исповедовавший принцип «поймать и бросить», Галеаццо уложил в постель столько аристократических подруг своей жены, что в Риме их называли просто «вдовушки Чиано». Эдда предпочитала спортивных и подтянутых мужчин помоложе, таких как маркиз Эмилио Пуччи, 24-летний член лыжной олимпийской сборной Италии и страстный автогонщик. Неизвестно, когда начались их отношения, то затухавшие, то разгоравшиеся, но, вероятно, это случилось в 1934 г. на лыжных склонах Кортина-д'Ампеццо. В 1939 г. Эмилио Пуччи вернулся в Рим из Америки, где два года проучился в университете, и снова начал встречаться с Эддой, хотя никто не предполагал, что Эмилио был ее единственным любовником.

Почему иностранных дипломатов так интересовала бурная личная жизнь жены министра иностранных дел Италии и дочери Муссолини? Ответ очень прост: ее влияние на отца. Диктатор обожал свою старшую дочь, а Эдда, в отличие от мужа, с энтузиазмом заняла провоенную и прогерманскую позицию. Весной 1940 г., в критический момент накануне вторжения Германии в Бельгию и Голландию, Галеаццо записал в дневнике:

«Я виделся с Муссолини несколько раз и, увы, убедился, что его решение вступить в войну становится все более твердым. Эдда тоже ездила в Палаццо Венеция и со свойственной ей пылкостью сказала своему отцу, что страна жаждет войны и что продолжение нашей позиции нейтралитета обесчестит Италию. Вот такие речи Муссолини любит слушать, и только такие разговоры он принимает всерьез. <...> Эдда зашла ко мне и говорила о немедленном вмешательстве, о необходимости воевать,

о чести и бесчестии. Я выслушал ее с притворной вежливостью. Позор, что она — такой разумный человек — также отказывается рассуждать».

10 июня 1940 г. Италия наконец вступила в войну, связав свою судьбу с гитлеровской Германией. Галеаццо Чиано понимал, что это может закончиться только катастрофой. Эдда соглашалась, что игра рискованная, но опасность ее возбуждала. Кроме того, поздней весной 1940 г. для Эдды и ее отца все выглядело так, будто Италия ставит на очевидного победителя: Гитлера.

Война казалась Эдде дерзкой авантюрой. Только когда стало уже поздно, она начала понимать, что ставки были выше, чем она воображала, и что доверять Гитлеру было безумием.

* * *

То, что Германия может проиграть, было далеко не очевидно. В следующие два с половиной года все выглядело так, будто правы были Эдда Чиано и Бенито Муссолини, по крайней мере если рассматривать ситуацию в целом. Территории Германии и Италии неуклонно росли. К концу 1942 г. Муссолини контролировал значительные территории в восточной Адриатике, на севере Африки и в Средиземноморье, включая территории, захваченные у соседней Франции после того, как в 1940 г. она капитулировала перед странами Оси.

Гитлеровский рейх к 1942 г. достиг своего максимального размера и простирался от Восточной Европы до Норвегии

и Парижа. Континентальная Европа, за символическим исключением «Свободной Франции», была фактически поделена между тремя диктаторами: Гитлером, Муссолини и, на Пиренейском полуострове, Франко.

Но Галеаццо Чиано видел, что ситуация меняется. Он понял еще в 1939 г., что, присоединившись к Гитлеру, Королевство Италия может получить только позор и поражение. Год 1942-й был нелегким для стран Оси. Соединенные Штаты вступили в войну, и Гитлеру пришлось столкнуться с неудачами и разочарованиями. Галеаццо по-прежнему был убежден, что Муссолини ведет страну к катастрофе, но свою тревогу он теперь доверял в основном дневникам. У него уже хватало ума не высказывать свои мысли слишком открыто или слишком часто — перед глазами был пример другого ярого скептика, Пьетро Бадольо.

Галеаццо и Пьетро Бадольо соперничали более 10 лет, борясь за власть и влияние, и каждый не задумываясь воткнул бы стилет в спину другому. Взаимная ненависть не достигала уровня той, которую Галеаццо сберегал для Иоахима фон Риббентропа, но вражда была сильна. Галеаццо использовал возможности тайной полиции, чтобы собрать неудобную и компрометирующую информацию о Бадольо. Бадольо об этом знал. Придет день, и он сможет свести счеты.

Галеаццо Чиано и Пьетро Бадольо не выносили друг друга, но в одном соглашались: Муссолини отдает идиотские военные приказы и ведет войну, которая была проигрышной и недостойной с самого начала. Бадольо неосмотрительно и слишком часто говорил об этом Муссолини и в декабре 1940 г. был отправлен в отставку с поста начальника Генштаба. До середины 1943 г. он фактически пребывал

под домашним арестом на своей роскошной загородной вилле в компании любимого пуделя. Галеаццо же делился своими мыслями только с дневником и прятал его под замок каждый раз, когда покидал кабинет. Самая разумная тактика: просто молчать.

Однако в своих записях Галеаццо был беспощаден. Как министр иностранных дел с доступом к государственным тайнам, он из первого ряда наблюдал за разворачивающейся трагедией своей страны и четко видел слабости и нацистской верхушки, и своего тестя. Герман Геринг появляется на страницах дневников Чиано как пафосный, инфантильный тип, отчаянно нуждающийся в восхвалениях и побрякушках, но единственный из нацистов, в ком была «человеческая черта». В феврале 1942 г. Чиано писал в дневнике о Геринге: «Чтобы ехать на вокзал, он надел соболью шубу — нечто среднее между тем, что носили шоферы в 1906 г., и тем, что дорогие проститутки надевают, отправляясь в оперу. Если бы кто-нибудь из нас надел такую штуку, нас бы забросали камнями на улице. А в Германии его не только не осуждают, но, может быть, даже любят за это. Это происходит потому, что в нем есть человеческая черта». Гитлер в дневниковых записях Чиано — не только диктатор, но и нудный хвостун, чьи бесконечные, полные самолюбования речи утомили всех: «Гитлер говорит, говорит, говорит. Муссолини страдает — он привык говорить сам, но вместо этого фактически вынужден молчать. <...> Бедняги немцы, им приходится слушать это каждый день». Главный недруг Чиано Иоахим фон Риббентроп — выскочка, подлый подхалим, который своим поведением выставляет Гитлера идиотом. Но в самом нелестном свете на страницах дневников предстает Муссолини: марионеточный диктатор,

боящийся возражать человеку, который в молодости считал Муссолини героем, а сейчас относится к нему как к пешке в большой политической игре — к пешке, которой можно пожертвовать.

Но самое главное — в своих дневниках Галеаццо методично документировал политические интриги в верхах Третьего рейха, соперничество Гиммлера, Геббельса, Геринга и Риббентропа за власть и влияние на Гитлера. В руках любого из этих нацистов дневники Чиано стали бы грозным оружием. В руках Гитлера они способны были бы нанести смертельный удар и Муссолини.

Ведя свои записи, Галеаццо Чиано не осознавал опасности. Не хватало у него и благоразумия скрыть сам факт ведения дневника. Он был завзятым сплетником, неспособным сохранить секрет, особенно от хорошенькой женщины. Чиано беззаботно рассказывал о своих дневниках всем — от иностранных дипломатов до тестя. И даже когда без того напряженные отношения между Италией и Германией достигли своего пика, он продолжал писать.

* * *

В канун 1943 г. Гитлер, обращаясь к армии в новогоднем выступлении, признал, что уходящий год был непростым и что военных еще ждут трудности. «Год 1943-й будет, вероятно, тяжелым, но определенно не тяжелее года уходящего», — признал он, уверенно предсказывая скорую и решительную победу стран Оси.

Одним из шагов на пути к «скорой и решительной победе» стала кадровая ротация в германской службе

безопасности, проведенная в конце 1942 г. Организационная структура нацистского государственного аппарата печально известна своей сложностью, но если говорить просто, за национальную безопасность отвечало прежде всего *Reichssicherheitshauptamt* — Главное управление имперской безопасности, или РСХА. Первым руководителем созданного в сентябре 1939 г. РСХА был Рейнхард Гейдрих. Ликвидированного в результате покушения в мае 1942 г. Гейдриха сменил Гиммлер. Глава РСХА контролировал деятельность нескольких управлений, в том числе *Sicherheitsdienst* (Служба безопасности, или СД) и гестапо. СД выискивала врагов Третьего рейха, гестапо — нацистские «силовики» — занималось следственной деятельностью — арестами и допросами, включавшими пытки. В конце 1942 г. Гиммлера повысили до министра внутренних дел и главы органов государственной полиции, и он передал руководство РСХА Эрнсту Кальтенбруннеру, австрийскому юристу, выбравшему карьеру в СС. В январе 1943 г. Кальтенбруннер продвинул по службе одного молодого агента, которого в свое время американская разведка назовет «одним из самых выдающихся оперативников РСХА за всю войну». Этому молодому агенту, повышенному до административного руководителя римского отдела службы внешней разведки (Amt VI, или VI управление), вскоре будет поручено заняться Галеаццо Чиано.

Звали агента Хильдегард Буркхардт. Ей было 23 года. Она более известна как Хильде Битц, под фамилией мужа, высокопоставленного немецкого офицера люфтваффе Герхарда Битца, за которого вышла весной 1943 г. Хильде была очень умна и вдобавок красива, хотя ее внешность и отличалась от принятых в то время стандартов красоты. В личном деле

записано, что у нее голубые глаза, темно-русые волосы и рост 163 см. В отличие от большинства немецких девушек до войны, Хильде была хорошо образованна. В гимназии ее родного Веймара, где училось всего несколько девушек, она особенно преуспела в изучении иностранных языков. Хильде бегло говорила на итальянском, прекрасно знала английский и была членом НСДАП*.

Хильде пришла на службу в разведку два года назад и работала сначала почтовым клерком, а затем переводчиком. Она быстро продвинулась по службе до ответственного секретаря Гельмута Лосса, специального помощника полицейского атташе** в Риме, отдел которого входил в секцию, занимавшуюся шпионажем в Ватикане. Часть католических священников, включая отца Гвидо Панчино (духовника Эдды Чиано и Муссолини), в свою очередь, входили в сеть информаторов СД. Отдел Лосса прослушивал все входящие и исходящие телефонные звонки в папском городе-государстве.

Гельмут Лосс обладал репутацией исключительно эффективного офицера разведки и куратора агентов, и он первым понял, что из Хильде, с ее невинной внешностью и острым умом, получится отличная шпионка. По его рекомендации «большой босс» Эрнст Кальтенбруннер официально перевел Хильде на разведывательную работу, возложив на девушку ответственность за систематизацию всех входящих и исходящих особо секретных документов в римском отделении

* Национал-социалистическая немецкая рабочая партия. — *Прим. ред.*

** Полицейский атташе — аккредитованный при посольстве зарубежного государства представитель правоохранительных органов этого государства. — *Прим. пер.*

внешней разведки, как раз в то время, когда Галеаццо Чиано начал вызывать у немцев серьезное беспокойство.

Первые документы с намеками на то, что Галеаццо Чиано становится проблемой, появились на столе Хильде практически в первые дни ее работы в новой должности. Поговаривали, что министр иностранных дел Италии отказывается приветствовать германских офицеров нацистским салютом. С осени 1942 г. ходили неподтвержденные слухи о заговоре с целью свержения Муссолини и о том, что Галеаццо Чиано как-то замешан в нем. Поступавшие сейчас отчеты содержали более существенную информацию: агенты слышали, что Галеаццо тайно сотрудничает с коалицией внутри Национальной фашистской партии, чтобы сбросить своего тестя и заменить его новым лидером, который предложит союзникам заключить мир.

* * *

Информация, которая расставила все точки над *i*, попала в отдел Хильде в последнюю неделю января или в первые дни февраля. Перехваченная немцами телеграмма, отправленная по американскому дипломатическому каналу, содержала особо секретные разведданные и подтверждала подозрения немцев в отношении Галеаццо Чиано. Ее отправил жизнерадостный 40-летний дипломат по имени Аллен Даллес, прибывший в Швейцарию в начале ноября 1942 г., — убежденный республиканец, имевший за плечами успешную карьеру юриста и неудачную кампанию по выборам в Конгресс. Аллен Даллес официально занимал пост специального помощника американского посла, хотя

швейцарские газеты вскоре написали, что он находится в стране в качестве личного представителя президента Рузвельта. Ни то ни другое не соответствовало действительности. Даллес работал под прикрытием и был главой только что созданного американского Управления стратегических служб (УСС), предшественника современного Центрального разведывательного управления. Располагалось УСС в арендованной квартире на первом этаже в живописном средневековом квартале Берна.

Немцы узнали о существовании УСС только в 1944 г., но они знали достаточно для того, чтобы с подозрением отнестись к новому человеку в Берне. Даллес излучал авторитет, и, исходя из его манер и циркулировавших в Берне слухов, немцы быстро признали в нем агента, за передвижениями и контактами которого стоит проследить. Слежка быстро принесла плоды. В январе 1943 г. немцы взломали шифр, который Даллес использовал для трансатлантических сообщений. Увы, прошли месяцы, прежде чем Даллес понял, что все его секретные сообщения в Вашингтон читали нацисты. К тому времени для Галеаццо Чиано уже было слишком поздно. Впоследствии Аллен Даллес, узнав, что его шифр был взломан, будет задаваться вопросом, в какой степени он ответственен за то, что случилось в дальнейшем — хорошее и плохое.

* * *

В перехваченной телеграмме, отправленной в Госдепартамент США, Даллес уверенно подтверждал, что группа антигермански настроенных активистов, близких к Муссолини,

действительно поддержит переворот и потенциально может присоединить итальянскую армию и флот к силам союзников.

Галеаццо Чиано, вместе с его опальным соперником Пьетро Бадольо, министр юстиции Дино Гранди и еще несколько высокопоставленных военных, настроенных против участия Италии в войне, как говорилось в телеграмме, входили в число членов фашистской партии, замышлявших отстранение Муссолини от власти и выход Италии из войны. Галеаццо действительно тайно контактировал с американцами еще в 1941 г., после вступления Италии в войну, предлагая союзникам «свержение дуче и сепаратный мир». В начале февраля 1943 г. Гитлер приказал послать Муссолини копию расшифрованной телеграммы. Прочитав ее, Муссолини сразу понял, что Гитлер ожидает от него действий.

5 февраля 1943 г., через день или два после того, как Муссолини получил перехваченные разведданные американцев, он вызвал зятя к себе в кабинет и без предисловий объявил, что проводит чистку в кабинете министров. Все министры под подозрением. Все должны уйти. «Что ты теперь собираешься делать?» — вот и все, что сказал Муссолини. Галеаццо сразу понял, что его отправляют в отставку.

Ради дочери Муссолини предложил зятю на выбор любой государственный пост рангом пониже, в идеале в какой-нибудь другой стране. «Я выбираю пост посла при Святом престоле», — записал в дневнике упрямый Галеаццо. В конце концов, Ватикан — тоже *другая страна*. «Покинуть министерство, которому в течение семи лет — и каких лет! — я отдал лучшее, что было у меня, — да, это тяжелый и печальный удел».

Галеаццо Чиано не отличался острым политическим чутьем. В противном случае ему бы хватило ума воспользоваться советом тестя и тут же покинуть Италию. Но, по крайней мере, Галеаццо хватило здравого смысла, чтобы встревожиться.

Одним из его самых верных друзей была 21-летняя девушка по имени Сузанна, которую все звали просто «Суни». Семью Сузанны знал в Италии каждый — она была дочерью промышленника Джованни Аньелли, основателя концерна Fiat и одного из богатейших людей Европы. После того как Чиано лишился своего поста, многие из его приятелей словно растворились в воздухе, но только не Сузанна. Она оставалась верной и потом, когда помогать Галеаццо и Эдде стало опасно. В своих воспоминаниях Сузанна Аньелли писала, как той зимой и весной навещала семью Чиано в их роскошной римской резиденции: «Галеаццо впал в немилость и лишился поста министра иностранных дел, — вспоминала она. — Он был встревожен, нервничал и вынашивал какие-то планы, как и любой на его месте».

* * *

Спустя несколько дней после устранения Чиано Муссолини снова с ним встретился. Он хотел получить от зятя ответ на другой вопрос, звучавший еще более зловеще, чем вопрос о планах на будущее. Он хотел знать: хранит ли еще граф свои дневники (Муссолини назвал их «документами») и в порядке ли они?

«Да, — ответил Галеаццо, — они у меня все в порядке, и помните: когда наступят тяжелые времена, — а теперь

ясно, что они наступят, — я смогу документировать все предательства, совершенные немцами по отношению к нам».

Этот ответ мог бы успокоить Муссолини, но только не того человека, который на самом деле интересовался дневниками: Гитлера.

ГЛАВА 1

Большой фашистский совет

5 февраля 1943 г. — 26 июля 1943 г.

Когда Галеаццо Чиано отстранили от должности, он перестал делать записи в дневнике.

Чиано вел дневник с 1937, а возможно, и с 1936 г., когда его назначили министром иностранных дел. В дешевых, хлипких блокнотах, украшенных эмблемой Красного Креста, он каждый день записывал свои наблюдения и мысли о заседаниях правительства и о других дипломатах и каждый вечер запирал блокноты в маленьком сейфе у себя в кабинете.

Последнюю запись Галеаццо сделал в понедельник 8 февраля 1943 г., через три дня после того, как Муссолини его уволил. Спустя 10 месяцев, за два дня до Рождества, в дневнике появится еще одна запись, своего рода эпилог, написанный для нас, его будущих читателей. К этому моменту у Галеаццо Чиано уже не осталось никаких иллюзий.

* * *

К лету 1943 г. стало ясно, что Галеаццо был прав в своих оценках войны: оптимистические новогодние обещания Гитлера не выдерживали проверки реальностью. Германия была занята войной на Восточном фронте; Муссолини в одиночку пытался контролировать Средиземноморье, но Италия не могла победить на этом театре военных действий — ни по ресурсам, ни тактически. Муссолини, столкнувшись с неизбежным, нуждался в подкреплениях, но не мог убедить Гитлера, который с маниакальной одержимостью сосредоточился на Восточном фронте, обратить внимание на то, что война стоит у дверей Италии.

10 июля 1943 г. по Риму поползли слухи, что союзники высадились на Сицилии, — оттуда они начнут медленно и упорно продвигаться на север, вверх по итальянскому «сапогу». 16 июля итальянские послы, надеясь на какую-нибудь реакцию, передали японцам секретное послание от Муссолини: «Италия находится на грани катастрофы». Муссолини отчаянно требовалось убедить страны Оси в том, что его власть под угрозой. Ему также нужно было как-то убедить Гитлера, что без переброски немецких войск — и без перемирия на Восточном фронте, без которого такая переброска была бы невозможна, — Италия падет и союзники захватят Средиземноморье.

Поэтому Муссолини решил пойти на безумную авантюру, рассчитывая, что его стратегия заставит Гитлера прийти на помощь. Это будет, надеялся он, последний тревожный звонок, сигнал к действию, в котором нуждается фюрер. Последствия у его плана будут катастрофическими,

а Галеаццо Чиано, какие бы моральные сомнения он ни испытывал в отношении своего тестя и фашистской идеологии, придется решить — высказаться или отмалчиваться в тени.

* * *

Строго говоря, на протяжении всего периода пребывания фашистов у власти Италия оставалась монархией с королем Виктором Эммануилом III во главе. Впрочем, король был ярким сторонником фашизма и в 1922 г. назначил Бенито Муссолини своим премьер-министром. В 1930-е Муссолини правил железной рукой, а королю отводились лишь декоративные функции. К началу войны в Италии существовала только одна политическая партия — Национальная фашистская партия. Короля в знак уважения все еще просили одобрить указы Муссолини, и фактически у Виктора Эммануила был единственный способ ограничить своего премьер-министра: право (но не обязанность) отстранить его от должности, *если* — и только *если* — так называемый Большой фашистский совет на голосовании рекомендует такое решение. А пока совет сохранял право выбирать партийного лидера, только Муссолини мог созвать заседание. Проще говоря, если Большой совет не соберется, он не проголосует. Если Муссолини пожелает править вечно, никто не сможет ему помешать.

Эти политические реалии делали еще более удивительным созыв заседания Большого совета, назначенного Муссолини на 24 июля с целью обсудить ход войны. Он, очевидно, был неблагоприятным. Муссолини знал, что